

На правах рукописи
УДК 809.44

ХЕЛИМСКИЙ Евгений Арнольдович

И С Т О Р И Ч Е С К А Я И О П И С А Т Е Л Ь Н А Я
Д И А Л Е К Т О Л О Г И Я
С А М О Д И Й С К И Х Я З Ы К О В

10.02.07 Финно-угорские языки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук
в форме научного доклада

ТАРТУ 1988

Работа выполнена в Институте славяноведения
и балканистики АН СССР, г. Москва.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук Т.-Р.О.ВИЙТСО
доктор филологических наук Э.Г.БЕККЕР
доктор филологических наук Г.К.ВЕРНЕР

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Ленинградское отделение Института языкозна-
ния АН СССР

Защита состоится " 21 " октября 1988 г. в
часов на заседании Специализированного совета
Д 069.02.02 в Тартуском государственном универси-
тете по адресу: 202400, г. Тарту, ул. Кликкооли 18.

Диссертация разослана " " 198 г.

Замечания и отзывы по диссертации просим вы-
слать (в двух экземплярах, с заверенной подписью)
по адресу: 202400, г. Тарту, ул. Кликкооли 18, Уче-
ному секретарю ТГУ.

Ученый секретарь Специализи-
рованного совета Д 069.02.02
д.ф.н., проф.

Х.К.РЯТСЕП

ВВЕДЕНИЕ.

В научном докладе суммируется содержание и подводятся итоги исследований по исторической и описательной диалектологии самодийских языков, опубликованных автором в 1973–1988 гг. Исследования велись как в собственно лингвистических (диахроническом, синхроническом, типологическом), так и в этноисторическом и культурно-историческом аспектах и в той или иной мере охватили диалекты всех живых и мертвых самодийских языков (ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского, камасинского, маторского), равно как и общесамодийскую проблематику.

Значение диалектологии для изучения самодийских языков определяется тем, что каждый из этих языков представлен совокупностью говоров и диалектов, не объединенных едиными наддиалектными стандартами. Тем самым при расширительном понимании диалектологии как дисциплины, занимающейся изучением диалектной (нестандартной) речи, практически любое исследование в области самодийского языкознания – кроме, может быть, работ по ненецкому литературному языку – является исследованием диалектологическим¹. Правомерно, однако, и смещение в диалектологических разработках центра тяжести с имманентной характеристики отдельных диалектных систем на их сопоставление и на лингвогеографический анализ языковых феноменов, что с неизбежностью выводит нас на сравнительно-историческое изучение диалектов одного языка и далее на проблематику генезиса диалектных особенностей, для изучения которой необходимо привлечение данных родственных языков. Такой подход к диалектологии самодийских языков, трактующий ее фактически как составную часть самодийской сравнительной грамматики, отражен в большинстве представляемых к защите работ.

Совмещая описательный и исторический подходы к языковым явлениям как в ряде частных исследований, так и в настоящем обобщающем докладе, мы не только следуем распространенной в уральском языкознании практике, но и исходим из собственного глубокого убеждения в неоправданности жесткого отграничения синхронии от диахронии (ср. /37, с. 304–305/). Историко-языковое ис-

¹ На такое понимание диалектологии ориентировано, в частности, большинство имеющихся предложений по реализации международного проекта "Dialectologia Uralica", ср. /47/.

следование заведомо не может не опираться на факты описания; но и для самого описания одной из важнейших гарантий адекватности является совместимость с описаниями близкородственных языковых систем, по возможности более тщательный учет диахронической перспективы, определение динамики конкурирующих явлений (а не просто констатация их статического сосуществования).

Конкретные направления осуществленных разработок в рамках такой широкой общей темы, какой является самодийская диалектология, были заданы, с одной стороны, теми проблемами и лакунами, которые обозначились к началу 70-х годов, с другой стороны, теми возможностями, которые создавали для автора постоянное участие в полевом изучении самодийских языков² и доступ к большому корпусу ранее не публиковавшихся материалов XVIII-XIX вв. по всем самодийским диалектам (в том числе и ныне исчезнувшим). Разумеется, первоочередное значение имело и то обстоятельство, что в последние годы нашими советскими и зарубежными коллегами успешно велись исследования по многим актуальным направлениям описания и исторического изучения самодийских языков и их диалектов (историческая фонетика и этимология — Ю. Янхунен, Т. Микола, историческая морфология — А. Кюннап, П. Хайду, северносамодийская диалектология — К. Лабанаускас, Я. Н. Попова, П. Саммаллахти, И. П. Сорокина, Н. М. Терещенко, диалектология селькупского языка — Э. Г. Беккер, Ю. А. Морев и другие представители томской школы проф. А. П. Дульзона, Х. Катц, Т. Янурик и др.), что не только расширяло базу источников, но и сужало круг требующих изучения проблем.

В научном докладе частично используются результаты и положения из работ автора, непосредственно не относящихся к проблематике самодийской диалектологии — это исследования по общим вопросам уральского и ностратического языкознания, по контактным связям балто-славянских и других индоевропейских языков с уральскими языками, по реконструктивно-этимологическим пробле-

² Ненецкого (1969, 1979), селькупского (1970-1973, 1977), энецкого (1976, 1978-1979), нганасанского (1978-1979, 1986-1987). Экспедиции 1969-1978 гг. были организованы Московским университетом и возглавлялись А. И. Кузнецовой.

мам угорского и тюркского языкознания. Хотя содержание этих работ не выносится на защиту, в отдельных случаях строгое тематическое размежевание затруднительно (ср., с одной стороны, привлечение и интерпретацию самодийских диалектных данных в работах по ностратике, унгаристике, об-угристике, с другой стороны, использование в самодистике результатов уральского и ностратического сравнения, алтайского языкознания). В списке опубликованных трудов соответствующие работы включены в отдельный дополнительный перечень.

В своей совокуности работы, отраженные первой частью научного доклада ("Проблемы исторической диалектологии самодийских языков"), воссоздают общую схему формирования исторически засвидетельствованных самодийских диалектов. Эта схема во многом отходит от существовавших ранее представлений (ср., например, отказ от выделения вжносамодийской ветви как классификационной единицы), а в других отношениях уточняет их и подкрепляет новым материалом. Данные о самодийских диалектах XVIII-XIX вв. не только в значительной своей части впервые введены в научный оборот, но и подвергнуты сравнительно-историческому исследованию; отработаны приемы филологического анализа ранних полевых записей, во многом пригодные и вне рамок самодистики. Поддержаны и дополнены усилия Ю.Янхунена, А.Кюннапа и некоторых других исследователей, обеспечившие в последние годы существенный прогресс в прасамодийской фонетической, морфологической и лексической реконструкции, в установлении рефлексов прасамодийских форм. Фонд будущего этимологического словаря самодийских языков пополнен большим числом новых этимологий³.

Вторая часть научного доклада ("Проблемы описательной диалектологии самодийских языков") обобщает результаты описания тазовского и обского диалектов селькупского языка, мертвого маторского языка, новые материалы к описательной грамматике северносамодийских языков и их диалектов. Обнаружен и охарактеризован ряд ранее неизвестных или ошибочно интерпретировавшихся явлений, предложены (в особенности на материале тазовского диа-

³ В тексте доклада рассматриваются, как правило, лишь наиболее значимые с точки зрения этнической и культурной истории этимологические решения.

лэкта селькупского языка) концептуальные новшества в грамматическом описании языков урало-алтайского типа.

Излагаемые результаты общего и частного характера получили признание (а отчасти, что вполне естественно, вызвали дискуссионный отклик) в большинстве новых публикаций и диссертаций по самодействию, во многих работах по уральскому языкознанию, компаративистике, лингвистической типологии, а также по археологии и этнографии Сибири. В отечественной и зарубежной периодике помещен ряд рецензий положительного характера на монографии "Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект", написанную в соавторстве с А.И.Кузнецовой и Е.В.Грушкиной (А.Künnap - "Сов. финно-угроведение" XVII, 1981, № I, с. 73-78; J.Janhunen - "Finnisch-Ugrische Forschungen" XLIV, 1982, Н. 1-3, с. 190-191), "Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели" (P.Alvre - "Keel ja Kirjandus" XXIII, 1980, № 4, с. 254; А.Куннап - "Fenno-ugristica" 7, 1980, с. 116-126; Т.-Р.Вийтсо - "Сов. финно-угроведение" XVI, 1980, № 3, с. 237-240; J.Lehtiranta - "Finnisch-Ugrische Forschungen" XIV, 1983, Н.1-3, с. 273-279; Gy.Décsy - "Ural-Altsaische Jahrbücher" 56, 1984, с. 165; J.Pusztay - "Magyar Nyelv" LXXXII, 1986, № 2, с. 236-242)⁴, "The Language of the First Selkup Books" (А.Künnap - "Сов. финно-угроведение" XX, 1984, № 3, с. 224-225; B.Comrie - "Language" 61, 1985, № 3, с. 722; Т.Янурик - "Nyelvtudományi Közlemények" 87, 1985, № I, с. 261-262). Проблематика исторической и описательной диалектологии самодийских языков освещалась или затрагивалась в нескольких десятках выступлений автора на конференциях и научных заседаниях, в т.ч. в докладах на конференциях "Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки" (Москва, 1973), "Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов" (Омск, 1983), на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), на XI Международном конгрессе фонетических наук (Таллин, 1987), в текстах, представленных для обсуждения на II и III Симпозиумах по уральской фонологии (Матрафьоред, 1979; Айзенштадт, 1984) и Симпозиуме по уральской диалектологии (Гамбург, 1984).

Представляемые и защите результаты использованы в опубли-

⁴ Первые три из этих рецензий относятся к кандидатской диссертации, положенной в основу выпущенной позднее монографии.

кованных и подготовленных статьях "Большой советской энциклопедии", "Лингвистического энциклопедического словаря", энциклопедии "Языки мира", некоторых других энциклопедических и справочных изданий. В педагогической практике они используются при чтении курсов по самодийскому и селькупскому языку в Московском и Хельсинкском университетах, в Ленинградском педагогическом институте им. А.И.Герцена.

На данных диалектологического изучения самодийских языков основаны проект нового алфавита и правила орфографии селькупского языка, разработанный автором совместно с Л.А.Варковицкой, а также предложения по подаче материала в этнографическом и других самодийских томах серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока". Мы надеемся, что в будущем окажется возможным использовать достигнутые результаты и для продолжения публикации экспедиционных и архивных материалов по самодийским диалектам.

Часть I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ.

I.I. Прасамодийская языковая общность и начальные этапы дифференциации самодийских диалектов.

I.I.O. Данные и результаты, суммируемые в этом разделе, содержатся в одной из глав монографии /2/ (раздел 2.I – Проблемы соотношения самодийских языков) и в статьях /4; 6; 15; 18; 21; 30; 40; 43; 46/; частично или косвенно они затрагиваются и в ряде других публикаций автора.

Выработанная нами и изложенная ниже концепция ранних этапов самодийского глоттогенеза и этнической истории самодийских народов дополняет и развивает концепцию П.Хайду¹ с учетом результатов, полученных самодийским языкознанием и смежными дисциплинами за последние три с половиной десятилетия. Среди разнообразных источников, послуживших исходным материалом при разработке проблематики этого раздела, особенно важны этимологические исследования – словарь Ю.Янхунена², работы других исследователей, а также этимологии, предложенные автором в перечисленных выше публикациях, а также в /8; 10; 17; 20; 36; 38; 39; 48; 58; 54; 55; 72/.

I.I.I. Убедительным итогом развития уральской лингвопалеонтологии представляется теория П.Хайду, согласно которой в VI–IV тыс. до н.э. уральская прародина располагалась "к северу от Среднего Урала, между нижним течением Оби и истоками Печоры, большей частью, вероятно, в Западной Сибири"³. Хотя сам П.Хайду от-

¹ Hajdú P. A szamojédok etnogeneziséhez // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest, 1952. – 54. köt. – 41–49. l.

² Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. – Helsinki, 1977. – 186 S.

³ Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica Hung. – Budapest, 1964. – T. XIV. – P. 74. См. также /71, с. 143–164/ и новые соображения в работе: Верес П. К вопросу финно-угорской прародины и этногенеза венгров в свете новейших палинологических данных // CIFU-6: Studia Hungarica. – Budapest, 1985. – P. 9–17.

носится к теории ностратического родства скептически (см. /71, с. 164-169/; ср. /76, с. 255-260/), данные ностратики не противоречат такой локализации и, более того, позволяют снять возражения против нее, продиктованные чисто контактной трактовкой проблемы древнейших индоевропейско-уральских лексических параллелей /72, с. 290/. Размещение той части прауральского населения, языковыми потомками которой явились самодийцы, допускает в рамках этой концепции прародины дальнейшие уточнения. Анализ некоторых параллелей между венгерским, обско-угорскими и самодийскими языками, главным образом морфологических /2, с. 68-125/, подтверждает тезис о диалектной неоднородности уральского праязыка и позволяет предположить, что его "досамодийские" и "доугорские" диалекты обладали рядом общих черт, которые отличали их от "допермских" и особенно от "дофинно-волжских" диалектов /2, с. 57-58; 15/. Естественно считать, что "досамодийские" и "доугорские" диалекты образовывали единый диалектный ареал и локализовать этот ареал в восточной части уральской прародины⁴. Основой для такой локализации служит факт существования относительного изоморфизма между географической и генетической близостью отдельных языков уральской семьи. Этот изоморфизм сложился вследствие того, что дивергенция уральской праязыковой общности шла постепенно, освоение новых территорий велось главным образом населением той части прародины, которая примыкала к каждой из этих новых территорий и, соответственно, схема позднейшего географического взаиморасположения языков-потомков в основном повторяет в увеличенном масштабе схему взаиморасположения соответствующих праязыковых диалектов (которая, в свою очередь, тесно коррелирует с относительной генетической близостью этих диалектов) /2, с. 22-27/.

В данном случае речь идет об одном из частных положений общего принципа этноисторической интерпретации диалектологических данных, к которому мы неоднократно апеллируем в своих исследованиях. Наличие явной корреляции между территориальной и генетической близостью

⁴ В более раннюю эпоху к этому ареалу мог примыкать и диалект - предок юкагирских языков (ср. характерную самодийско-юкагирскую изоглоссу использования коаффикса ^h-кэ- в местных падежах).

диалектов (гевр. языков-потомков), ситуация континуума с высокой долей вероятности указывают на постепенный характер происшедшей дивергенции (примеры: романские, тунгусо-маньчжурские, дравидийские языки; коми-зырянские, хантыйские, селькупские диалекты). Отсутствие или слабость такой корреляции, обрывы диалектного континуума указывают на скачкообразность распада исходного единства или на то, что дивергенция не сводилась к простой иррадиации (примеры: иранские, тюркские, самодийские языки; восточнославянские, финские диалекты).

При этом следует считаться и с той возможностью, что районы, частично охваченные охотничьей промысловой деятельностью приуральского населения, могли простираться довольно далеко на восток и юго-восток от указанной прародинны и даже достигать региона, о котором ниже говорится как о вероятной самодийской прародинне накануне времени распада самодийского праязыка. Учет этой возможности открывает путь к "стыковке" теории П.Хайду с гипотезами археологов (В.Н.Чернецов, А.Х.Халиков), соотносящих с уральской языковой общностью относительно единую раннеолитическую культуру, распространенную от Европейского Приуралья до Енисея. Одновременно оказывается возможным объяснить происхождение таких лексических соответствий между уральскими и алтайскими (особенно тунгусо-маньчжурскими) языками, которые обозначают природные и культурные реалии таежно-лесной зоны⁵ и не могут поэтому отражать ни ностратическое родство, ни более поздние - достаточно, впрочем, гипотетические - "туранские" (центральноазиатские) контакты.

1.1.2. Названия хвойных деревьев, играющие столь важную роль в обосновании теории уральской прародинны по П.Хайду, служат решающим аргументом и при рассмотрении проблем самодийской праистории. Самодийский праязык сохраняет уральские наименования основных хвойных пород - ели (ПС *kaät < ПУ *kawse; SW 61, UEW 222), кедр - точнее, кедровой сосны *Pinus sibirica* (ПС *titeŋ < ПУ *siks; SW 160, UEW 445), пихты (ПС *hulka < ПУ *hulk; SW 112, UEW 327), сосны (ПС *jew < ПУ *jzw; SW 42, UEW

⁵ Речь идет о соответствиях типа ПУ *sukse "лижи" ~ ПТМ *sũksi- id. (выявлены в работах М.Рясянена, Б.Коллиндера, К.Г. Менгеса, Д.Синора, И.Футаки и некоторых других авторов).

107). Столь замечательная сохранность этой группы лексики позволяет утверждать, что на протяжении всей прасамодийской эпохи (III – I тыс. до н.э.) носители праязыка не покидали зоны тайги. Речь идет, разумеется, в первую очередь или даже исключительно о западносибирской тайге: по палинологическим данным, в течение почти всего среднего голоцена (VI – середина I тыс. до н.э.) широкое распространение *Pinus sibirica* в этом регионе, а отчасти также на крайнем северо-востоке Европы и на правобережье Енисея, сочеталось с ее вероятным отсутствием (или присутствием только в виде кедрового стланика) как в остальных частях Европы, так и на почти всей территории Восточной Сибири.

Показательно, что у ботанического феномена – распространения хвойных пород из Западной Сибири в Восточную – обнаруживается языковой аналог. К ранним самодийским или угорским формам, продолжающим указанные выше уральские названия кедр и ели, могут восходить ПТМ *suktu "кедр" (ТМС 2, 122) и *k'asi-"ель" (ТМС I, 56), а к более поздним формам тех же названий – ПТМ *takti- "кедр" (ТМС 2, 156), а также тюрк. *кабу "сосна" (VEWT 218; скорее всего, из ПС *kâsti-, ср. нен. xadi "ель") и *tyt "лиственница" (VEWT 479).

На распространение самодийского языка накануне распада праязыковой общности в таежной зоне указывают также присутствовавшие в нем названия лиственницы (*tojmâ) и ряда таких животных и птиц, общим ареалом обитания которых могла быть только тайга (гагары *huðñ, кедровки *käsɜɜ, глухари *seŋkÿ, россомахи *wiŋkânci, соболя *ki, летяги *pɜnsɔ(j) – см. SW 112, 65, 140, 176, 69, 121, а также выдры *tet /36, с. 92/, горностая *pifɜ, косули *pâjt¹ɜ /38, с. 132, ISI/, горного козла *munt¹ɜ), причем – судя по последним двум зоонимам – следует думать скорее о южной и близкой к предгорьям полосе тайги.

Сказанное, конечно, не исключает возможности самодийского происхождения каких-то степных или тундровых культур III–I тыс. до н.э. Однако их создателями могли явиться разве что покинувшие свой таежный хабитат и впоследствии исчезнувшие филиации ("парасамодийцы"), но не прямые языковые предки исторически известных самодийских народов. Поэтому для решительных утверждений такого рода требовались бы веские свидетельства об этнической (геогр. языковой) принадлежности носителей соответствующих культур; в отсутствие же подобных указаний гипотезы о самодий-

свом происхождении отдельных культур эпохи бронзы и железа в таких регионах, как низовья Оби или северо-запад Казахстана (В.А.Могильников и некоторые другие исследователи) выглядят неправдоподобными.

I.I.3. С точки зрения проблем самодийского глотто- и этногенеза существенно также некоторые данные о материальной и духовной культуре прасамодийцев, верифицируемые посредством лингвистической реконструкции и этнографической ретроспективы. Не вызывает сомнений существование у прасамодийцев развитого оленеводства, ср. восходящие к праязыку названия домашнего оленя (*teš или, скорее, *seš - в последнем случае из самодийского источника заимствовано или опосредованно связано с ним монг. *sa id. /39; 58/), важенки (*jekšy), теленка оленя (*sarkjz), кастрированного оленя (*kaptš). Скорее всего, самодийское оленеводство явилось продуктом относительно самостоятельной эволюции, а не переноса навыков коневодства и молочного животноводства (как это можно предполагать в случае с тунгусским оленеводством). Достаточно тривиальны (в свете данных этнографии современных самодийцев) лексические указания на другие аспекты хозяйства и быта: использование лука и копья, ловушек и силков, рыболовных снастей (при важной роли заповного рыболовства), скребков для выделки шкур, многообразных берестяных сосудов, лыж (ошкуренных и голиц), саней, чума (в том числе с берестяными покрывками), небольших помещений складского назначения (лабазов) и т.д. (много важных дополнений к SW дает материал маторского языка, см. /36; 38; 48/).

Прасамодийское происхождение обозначений небесного божества-демиурга (*num), идолов (*kajkš), шамана (*t'acšyř), а также таких атрибутов и понятий шаманства, как бубен (*peŋkir), колотушка шамана (*peŋkšvz-), "исполнять шаманские песнопения" (*vampš-), "жертва" (*kaso(j)) свидетельствует об архаичности тех религиозно-мифологических систем, где хорошо сохранена соответствующая номенклатура (ненецкой, селькупской, маторской). С опорой на эти системы восстанавливается прасамодийская мифологическая картина мира /18/ (ср. /63; 64/). Особое положение занимает религиозно-мифологическая система нганасан, во многом, очевидно, связанная с субстратным пластом нганасанского глотто- и этногенеза.

I.I.4. Определение параметров для локализации самодийской

прародины и характеристики праязыковой общности дает материал по внешним связям самодийского праязыка. Основываясь на обширной литературе вопроса (К.Доннер, А.И.Йоки, П.Хайду, А.Рона-Таш, В.А.Терентьев, И.Футаки, Ю.Янхунен и др.) и на собственных исследованиях автора, можно констатировать следующее:

- В течение длительных отрезков времени - а может быть, и непрерывно - сохранялись по крайней мере маргинальные связи самодийского праязыка с праугорским, а затем с праобско-угорским. В частности, общие изоглоссы фонетического развития сибирянтов позволяют думать о существовании около середины I тыс. до н.э. ареала угорско-самодийского контактирования; в пределах этого ареала могли находиться и енисейскоязычные пумпокольца⁶ /2, с. II9-II5/.

- Установление самодийско-тюркских языковых связей должно было предшествовать разделению прототюркского языка на "общетюркскую" и болгарскую ветви (что произошло, вероятно, в первые века н.э.), однако оснований для датировки этих связей существенно более ранним периодом как будто нет⁷. Контакты могли возникнуть в результате продвижения тюрков на север (вероятными прото- и общетюркскими заимствованиями из самодийского являются упомянутые выше названия хвойных деревьев, а также *kɪr > *kɪʃ "соболь").

- Об особой интенсивности контактов с пратунгусо-маньчжурским свидетельствует как количество выявленных параллелей в лексике ПС и ПТМ (около 70; в их числе имеются и ПС слова уральского происхождения, и ПТМ лексика общеалтайского характе-

⁶ Ср. наличие отдельных древнейших енисейских заимствований в обско-угорском: манс. *kēr, хант. *kār "лодка, челнок" из енис. *qä(ʹ)r /20, с. 243/.

⁷ Исследователи, предполагающие первичность тюркских сибирянтов (*x, *š) по отношению к плавным (r, l) - например, А.Рона-Таш и Ю.Янхунен - полагают, что самодийский праязык контактировал только с тюркским языком болгарского типа и отводит для этих контактов узкий интервал в несколько столетий на рубеже н.э. Такая трактовка представляется весьма спорной, так как никаких прямых следов этот язык болгарского типа в Сибири и вообще в Азии не оставил. См. критические комментарии автора /53/, а также анализ проблемы "ротацизма/ветапцизма" в /77; 78; 79/.

ра), так и общность ряда элементов базисной лексики /30, с. 207/. Установление контактов могло явиться следствием продвижения самодийцев на восток. Во всяком случае, видя к Енисею, они уже застали там тунгусоязычное население: на это указывает ПС *Jentâsÿ "Енисей" (нен. Jen(ă)śa jam', эн. Vedosi', нган. Dentădă, сельк. NP Nandesı - последняя форма отражает влияние языка типа камасинского), которое заимствовано из ПТМ *Jendesi (эвенк. Jendexı, Jendrexı, в записях XVIII в. Ioandesı; ср. ПТМ *Jenē/*Jenē "большая река", см. ТМС I, 355). Данный гидроним особенно значим для оценки дальнейших судеб самодийских языков и их диалектов. Сохранение заимствованного в праязыковую эпоху названия Енисея с его исходной географической соотнесенностью было бы нереальным при удалении от этой реки в ходе дальнейших миграций - ср. судьбу ПС *Jentâsÿ в тазовском диалекте селькупского языка, где его рефлекс ё̄ntjıs означает "море" и встречается в фольклоре как типичное место сказочного действия /42, текст 2/ (превращение названия Енисея в географическую мифологию предшествовало повторному выходу северных селькупов на Енисей по Оби, Тьму и Ваху), или в лесном диалекте ненецкого языка, где это название было перенесено на Иртыш или Конду, ср. Jehā kārBat "Кондинск". Это ведет к следующим вероятным импликациям: а) к моменту распада общности прародина самодийцев или включала в себя часть бассейна Енисея, или во всяком случае примыкала к нему; б) в ходе последующего расселения предки энцев, нганасанов и восточных ненцев никогда не удалялись от Енисея на значительное расстояние - и, вероятнее всего, продвигались на север вдоль течения этой реки /30, с. 208; 46/.

- К монгольскому источнику может быть возведено лишь несколько прасамодийских слов, проникших, скорее всего, через тунгусо-маньчжурское или тюркское посредство /46/.

- Самодийско-енисейские контакты на уровне праязыков были гораздо менее интенсивны, чем последующие контакты языков-потомков (особенно селькупско-кетские) и чем самодийско-тунгусские связи (см., в частности, этимологический материал в /20/).

- С интенсивностью языкового влияния индоевропейцев, особенно индо-иранских племен, на финно-угров (в частности, на обских угров) контрастирует весьма незначительная роль индо-иранских и/или тохарских элементов в самодийском праязыке - см. ра-

боту Ю. Янхунена⁸ и наши этимологические дополнения /48, № 54, 74; 72, с. 298/. Очевидно, на всем протяжении своей истории прасамодийцы находились если и не на очень большом удалении, то, во всяком случае, в стороне от районов расселения индоевропейцев, воспринимая их влияние лишь эпизодически и, вероятно, опосредованно.

- Вопреки делавшимся предположениям (с более или менее развернутой, но этимологически неубедительной аргументацией), нет оснований говорить о контактах самодийского праязыка с языками востока Сибири (в частности, какагирским - ср. сноску 4), а также с языками европейских финно-угров (венгерским после его выделения из угорского праязыка, саамским /2, с. 49-56/).

- Наследие внешних контактов прасамодийской эпохи, как представляется, довольно равномерно распределено в отдельных ветвях и диалектах самодийских языков. Отдельные наблюдаемые лакуны можно связывать скорее с лексическими утратами, чем с изначальным необщесамодийским распространением тех или иных заимствованных элементов. Эту ситуацию можно оценить как свидетельствующую либо об относительном диалектном единстве самодийского праязыка, либо об отсутствии прямой преемственности между праязыковыми территориальными диалектами и определенными диалектами-потомками.

I.I.5. Данные, изложенные в I.I.2-I.I.4, характеризуют самодийскую языковую общность накануне ее распада как народ, этническая территория которого: а) полностью или большей своей частью находилась в таежной зоне; б) включала в себя часть бассейна Енисея или примыкала к нему; в) непосредственно соприкасалась с областями расселения тунгусе-маньчжуров, тюрков, енисейцев и обских угров; г) находилась от областей расселения монголов и индоевропейских племен на известном отдалении, допускавшем лишь слабые или опосредованные контакты. На основании этого и с учетом наиболее вероятных локализаций областей расселения соседних народов автор высказал мнение о локализации самодийской прародины (поздней) в районе между Средней Обью и Енисеем, вокруг четырехугольника "Нарым - Томск - Красноярск - Енисейск" и с возможным входением - полным или час-

⁸ Janhunen J. On Early Indo-European-Samoyed Contacts // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. - Helsinki, 1983. - Т. 185. - P. 115-127.

тичным — тех или иных сопредельных территорий: северной части Обь-Иртышского междуречья, северного Алтая, Присаянья, территории к востоку от Среднего Енисея, бассейнов Сыма и Ваха /21, с. 9/.

Это мнение было использовано для идентификации самодийцев, с одной стороны, с населением кулайской культуры У в. до н.э. — У в. н.э. в Среднем (Сургутско-Нарымском) Приобье⁹, с другой стороны, с населением тагарской культуры VIII в. до н.э. — I в. н.э. в Минусинской котловине¹⁰. Следует заметить, что эти попытки идентификации вряд ли совместимы друг с другом (учитывая резкие различия между двумя культурами). Труднообъяснимыми оказываются также такие факты, как полное отсутствие или незначительная роль оленеводства (столь несомненно характерного для прасамодийцев) и у кулайского, и у тагарского населения, высоко развитое бронзолитейное производство у кулайцев (эту черту хозяйства можно предполагать скорее у предков енисейских народов, чем у древних самодийцев) и развитое скотоводство в сочетании с примитивным земледелием у тагарцев (что позволяет, с нашей точки зрения, предполагать их принадлежность скорее к алтайскому, нежели к уральскому, этнокультурному кругу).

I.I.6. На основании лексикостатистических подсчетов /2, с. 38-39, 129-133; 40, с. 49-50/, верифицированных анализом фонетических, морфологических и лексических параллелей между самодийскими языками и диалектами (на предмет выявления возможных общих инноваций) /2, с. 39-45/, автором в 1973 г. было предложено отказаться от традиционного деления самодийских языков на северную (ненецкий, энецкий, иганасанский языки) и южную (селькупский, камасинский, карагасский, койбальский, маторский, тайгский языки) ветви. Новая схема предусматривает выделение четырех самостоятельных ветвей — северносамодийской, селькупской, камасинской (собственно камасинский и жайбальский диалекты), маторской (собственно маторский, тайгский и карагасский диалекты), см. /4/, а также /6; 43/. К настоящему времени предложенная нами классификация получила распространение в уралистике и самодистике.

⁹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск, 1984. — С. 174-175.

¹⁰ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Ленинград, 1986. — С. 98-99.

Четыре ветви самодийских языков обладают примерно одинаковой попарной взаимной удаленностью, постепенные переходы от одной ветви к другой и промежуточные ветви (что столь характерно для соотношения финно-угорских языков) не обнаруживаются. В частности, нет оснований говорить о какой-то особой близости двух самодийских языков Присаянья — камасинского и маторского — и выделять соответствующую (под)группу¹¹. Отдельные камасинско-маторские изоглоссы фонетического развития появились уже после разделения этих языков и связаны с ареальными процессами, охватившими не только самодийские, но и тюркские диалекты Присаянья (ср. развитие *j- > ħ- или n- при наличии носового согласного в позиции второго консонанта слова, характерное для камасинского, маторского и хакасского языков) /2, с. 40-41/. Многочисленные совпадения в камасинской и маторской лексике — либо общесамодийское наследие, либо результат параллельного воздействия на оба языка соседних тюркских, в меньшей мере монгольских, тунгуоо-маньчжурских и енисейских диалектов. Эти выводы подтверждаются предпринятым нами в последние годы интегральным этимологическим и историко-фонетическим анализом материалов по маторскому языку /36; 38; 48/. Более того, обнаруживается парадоксально много лексических изоглосс, связывающих маторский язык с северносамодийскими — в противопоставлении селькупскому и камасинскому; ср., с другой стороны, комплекс селькупско-камасинских морфологических параллелей, выделенных А.Кюннапом¹² и анализировавшихся в /2, с. 41-44/. Возможно, в этих изоглоссах отражаются диалектные связи прасамодийской эпохи (относительное единство самодийского праязыка, упоминавшееся в I.I.4, нельзя абсолютизировать). Такая гипотеза требует, однако, дальнейшей проверки.

Как бы то ни было, в соответствии с общим принципом этноисторической интерпретации диалектологических данных (см. I.I. I) соотношение самодийских языков и их диалектов не позволяет предполагать постепенной дивергенции, связанной с расширением

¹¹ Тем не менее, термин "саяно-самодийские языки" является удобным операционным понятием в связи с общностью внешних влияний на камасинский и маторский языки и их судеб.

¹² Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe. II. Verbalflexion und Verbalnomina. — Helsinki, 1978. — S. 204-208.

территории распространения их общего праязыка, "растяжением" отдельных диалектных ареалов и в конечном счете обрывом связи между ними. Естественно объяснять это соотношение быстрым, резким распадом праязыковой общности с одновременным (или довольно близким по времени) полным обособлением каждой из четырех ветвей. Причиной такого распада могло, например, явиться вторжение инородного населения, расчленившее территорию расселения самодийцев и оборвавшее связи между отдельными ее частями. Другая возможная причина — появление в самодийской языковой среде предпосылок для активной экспансии, для дальней миграции сравнительно больших групп населения. Тем же причинами были, очевидно, обусловлены миграция предков северных самодийцев, приведшая их в конце концов в тундровую зону (см. I.2), а также оттеснение предков камасинцев и маторов на Саяны (в том случае, если эта территория не входила в пределы исходной самодийской прародин).

Глоттохронологическая датировка по лексикостатистическим данным (по классической методике М.Сводеша) позволила оценить возраст самодийской группы примерно в 2 тыс. лет, то есть отнести ее распад ориентировочно к рубежу н.э. /2, с. 45; 40, с. 50/. Это соответствует традиционной датировке, не противоречит данным о внешних связях самодийского праязыка /см. I.I.4/ и о датировке важнейших этапов в эволюции соседних языковых общностей¹⁸ и косвенно подтверждает часто высказываемое мнение о том, что причиной или катализатором распада прасамодийской общности явились гуннские завоевания в Южной Сибири (со II в. до н.э.).

I.2. Прасеверносамодийская языковая общность и ход ее диалектной дифференциации.

I.2.I. Наличие ряда прасеверносамодийско-пратунгусо-маньчжурских (или практически неотличимых от них прасеверносамодийско-древнезвенкийских) лексических параллелей свидетельст-

¹⁸ Речь идет о хронологии, полученной в основном по той же методике и отчасти верифицируемой историческими и филологическими данными. Существенно, что на этой хронологии может быть основана достаточно цельная и непротиворечивая картина распространения языков ностратической макросемьи в последние несколько тысячелетий (см. отчасти /66; 76; 79/).

вует о сохранении контактов северных - в то время еще "восточных" или "северо-восточных" - самодийцев с тунгусо-маньчжурами после распада самодийской языковой общности. Продвижение их на север вдоль Енисея (см. I.I.4) шло по территории, которая была по крайней мере частично освоена какими-то периферийными тунгусо-маньчжурскими (древнеэвенкийскими) группами. Наиболее интересны в этом плане, на наш взгляд, несколько заимствований, связанных со специфически циркумполярными реалиями: ПСС *jānɔɔ "тундра" (эн. deu', нган. jaɲur) < ПТМ *jaɲ(ur-) (эвенк. jaɲ "сопка-голец", jaɲurā "ровное место на горном хребте, мшистое место"; ТМС I, 341); ПСС *kārɣʔ "северное сияние" (нен. karɣ, эн. kabo' Pl.) < ПТМ *gaɣra- "стрелять из лука; излучать свет, сиять", *gaɣra "луч" (ТМС I, 142) /30, с. 209/.

Следы пребывания предков северных самодийцев в таежной части бассейна Енисея могли сохраниться и в кетском языке. Ср., например, возможность реконструкции ПСС лексического диалектизма *wājɲsɲ (или *wājɲtʲɲsɲ) "то, чем дышат" на основании кет. b¹kentʂen, b⁵beɦsɲ "легкое" /20, с. 240/.

I.2.2. Диалектная дифференциация северносамодийского языка, постепенно превратившаяся в дифференциацию языков¹⁴, происходила в основном уже после проникновения общих языковых предков ненцев, энцев и нганасанов в зону тундры. Первичным центром расселения скорее всего явился район нижнего течения Енисея. Такой вывод опирается на уже упоминавшийся интерпретационный принцип: ср. географически и лингвистически промежуточное положение энецкого языка по отношению к ненецкому (которому более близок энЛ) и нганасанскому (с которым сближается энТ), крацкого диалекта по отношению к ненецкому и энецкому языкам (см. I.3.I). Таким образом, мы не видим лингвистических подтверждений гипотезам о нескольких разобобщенных волнах продвижения самодийцев с юга на север¹⁵. Проникновение относительно

¹⁴ Впрочем, еще и в нашем веке практиковалась трактовка энецкого и нганасанского языков как диалектов ненецкого, в связи с чем и не было введено школьное их преподавание.

¹⁵ Ср.: Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. - Москва; Ленинград, 1966. - С. 37; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. - Москва, 1979. - С. 40-41.

единого прасеверносамодийского языка в тундровую зону можно, вероятно, соотнести с археологическими данными о появлении в первой половине или в середине I тыс. н.э. на западе Таймыра населения с юга Западной Сибири, что согласуется с глоттохронологической оценкой возраста этого языка – не менее I,5 тыс. лет /2, с. 46–47; 40, с. 50; 46/.

1.2.3. Специфика хода диалектной дифференциации в северносамодийском ареале создает особые проблемы в диахроническом изучении ненецкого, энецкого и нганасанского языков. С одной стороны, многие общие черты этих языков могут представлять собой сравнительно поздние инновации, распространившиеся в условиях сохранения взаимных контактов. С другой стороны, между прасамодийской и прасеверносамодийской эпохами не было большого временного разрыва, а взаимные контакты, бесспорно, способствовали сохранению общего наследия и препятствовали радикальным инновациям, что определяет ключевое значение северносамодийских данных для ПС реконструкции /22, с. 107/.

Проблемы истории и исторической диалектологии северносамодийских языков рассматривались в ряде работ автора: В 1977–1978 гг. на заседаниях Ностратического семинара при Институте славяноведения и балканистики АН СССР был прочитан цикл докладов по северносамодийской сравнительно-исторической фонетике. В целом это исследование осталось неопубликованным, поскольку во многом дублировало появившуюся одновременно (но созданную несколько раньше) реконструкцию Ю.Яхунена в SW. Отдельные фрагменты ПСС реконструкции и исторической фонологии языков/диалектов-потомков были, однако, описаны в специальных статьях. Показана целесообразность реконструкции ПСС лабиализованных гласных непервых слогов и исследованы их рефлексии /12/ (ср. также факты сохранения и особенности рефлексации ауслатных лабиализованных гласных в маторском языке /36, с. 55/ и в южном ареале селькупских диалектов /3, с. 27 и др./). Установлено, что ПСС дифтонги, в отличие от монофтонгов, отражены в ряде ненецких диалектов в виде сверхдолгих гласных (причем в некоторых диалектах возможна замена оппозиции гласный нормальной долготы : сверхдолгий гласный на тональную оппозицию акут : гравис); одновременно уточнена рефлексация ПСС дифтонгов в энецком и нганасанском языках /13, с. 35–37; 24/. Проанализированы глубокие (и содержательные в плане диахронической ти-

положи) сходства между северносамодийскими и славянскими языками в том, что касается хода и результатов взаимосвязанных процессов становления корреляции согласных по палатализации и падения редуцированных гласных. С известным огрублением, ненецкая фонологическая система является — в синхронии и диахронии — аналогом русской, а энецкая — аналогом сербохорватско-словенской. Представляется, что есть все основания экстраполировать на северносамодийский материал концепцию генезиса мягкости в славянских языках, развитую в фонологических терминах Р.Якобсоном¹⁶. Первым, относящимся еще к ПСС эпохе этапом развития явилось чисто позиционное и, видимо, не для всех диалектов обязательное смягчение согласных перед гласными переднего ряда. В случае с заднеязычными согласными (*k, отчасти *q), наиболее чувствительными, как показывает типология, к аккомодационному воздействию гласных, это позиционное смягчение рано привело к процессам, которые можно обозначить как первую и вторую палатализацию (1-я: *ki > *ši, *ke > *še повсеместно; 2-я: *kä > *šä, *kü > *šü — не затронула нганасанский язык). Им обусловлено отсутствие в ненецком языке, как и в русском, корреляции по мягкости у веларных. В целом же дублирование согласным одного из фонетических признаков последующего гласного долго не вело ни к каким кардинальным изменениям системы. Импульсом к ее перестройке в ненецких диалектах явилось падение в непервых слогах в слабых позициях рефлексов *š, *i, *ü, *j, *u и, как следствие, появление таких форм, где различие согласных по твердости-мягкости, фонетически присутствовавшее и ранее, приобрело автономную фонологическую значимость /27, с. II4-II9/. В рецензии /37/ отмечена, в частности, диахроническая целесообразность трактовки северносамодийских ауслатных гортанных смычных — чередующихся с другими согласными и нечередующихся — как первоначально добавочных сегментов (что хорошо объясняет, например, некоторые случаи соотношения между тундровым и лесным диалектами ненецкого языка). См. также диахронические комментарии к северносамодийскому диалектному материалу в /6; 7; 9; 10; 17; 19; 22; 38; 49; 50/.

Из вопросов северносамодийской морфологии в историко-диа-

¹⁶ Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — Prague, 1929. — P. 57ff.

лектологическом плане были исследованы супплетивные формы аккузатива личных местоимений /2, с. 91-93/, личные глагольные окончания трех типов спряжения /2, с. 77-78/, лично-притяжательные окончания шести падежно-числовых серий /22/.

Контакты северносамодийских языков в сфере лексики (см. /9/), нередко с передачей заимствований "по цепочке" в условиях диалектного континуума, открывают чрезвычайно интересные и пока еще почти не использованные исследовательские возможности. Ср., например, проанализированный в /30, с. 211/ этноним - нен. *lūca*, эн. *lūot'a*, нган. *lūə'za* "русский". Др.-нен. **luōtsā* (откуда закономерно *lūca*) представляет собой безукоризненно точное в фонетическом отношении заимствование из прибалт.-фин. **ruotsa* "скандинав, варяг" (ср. фин. *ruotsi* "Швеция", *ruotsalainen* "швед"); энецкая и нганасанская формы заимствованы из древнененецкой. Одна только эта этимология позволяет не только осветить диахроническую перспективу контактов северных самодейцев с варягорусами и их политическими и экономическими преемниками - новгородцами и поморами, но и предложить важный фрагмент относительной хронологии языковых изменений и экстралингвистических событий (знакомство предков энцев и нганасанов с европейцами произошло позже, чем переход ауслутного *ä* в *u* в нганасанском языке, но предшествовало ненецкому стяжению дифтонгов в долгие монофтонги). Не менее своеобразна судьба самоназвания *əomatu* "гундровый энец", которое, как нам удалось показать, представляет собой заимствование из нган. *vəmə'tu id.*, а последнее, в свою очередь, является по-морфемным соответствием-переводом энецкого родового названия *voeta* (букв. "носит шапку") /17, с. 119-121/.

1.3. Ненецкий язык.

1.3.0. В этом и следующих (1.4-1.7) разделах суммируются результаты историко-диалектологических разысканий автора, опирающихся преимущественно на материал составленных в XVIII - начале XIX вв. словарных списков по отдельным самодейским диалектам. Значительная часть этих списков ранее не публиковалась, но сохранена в архивах Москвы и Ленинграда и впервые введена нами в научный оборот, см., в частности, публикацию уникальных маторских материалов Г.Ф.Миллера и П.С.Палласа /36/ (ср. также неизвестные ранее енисейские языковые данные, при-

веденные в /80/). Особо рассматривались автором вопросы о времени и обстоятельствах создания отдельных лексических списков и о соотношении между их первичными и вторичными вариантами (/14/ — применительно к саяно-самодийским данным, однако большинство выводов этой работы сохраняет силу и по отношению к данным северносамодийских и селькупских диалектов; см. также преамбулы в /31; 36; 80/), а также о роли собранных Г.Ф.Миллером словарных материалов в становлении традиции сравнительно-исторического изучения лексики венгерского и других финно-угорских языков /75/.

1.3.1. Современный ненецкий язык включает два основных диалекта (наречия) — тундровый и лесной; расхождения между говорами внутри каждого из этих диалектов относительно невелики.

Фундаментальное значение имеет констатация того факта, что в прошлом в восточной части ненецкой языковой территории существовал третий основной диалект — "юрацкий", или старовосточный — значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного, но имевший черты, сближавшие его с территориально смежным энецким языком /2, с. 27-31; 7/. Единственным оригинальным источником сведений об этом диалекте является созданная около 1740 г. рукопись Г.Ф.Миллера (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 513, д. 7, лл. 15-20), где под шапкой "Jurackisch" приведено около 250 слов и словосочетаний из этого диалекта. В этом материале последовательно прослеживаются такие диалектные черты, как развитие звонких смычных из сочетаний "носовой + смычный" (то же развитие в энецком; в ненТ и ненЛ эти сочетания сохранены или упрощены в носовой согласный, ср. ПСС **int̚s̚* "лук" > ненТ *n̄j̄n*, ненЮ *ngidde*, эн. *iddo*), отражение **w-* перед всеми гласными переднего ряда в виде *b* (то же в энецком и нганасанском; в ненТ *j-* перед всеми передними гласными, в ненЛ — перед **i* и **ö*, ср. ПСС **wüt* "десять" > ненТ *ju'*, ненЛ *jüt*, ненЮ *büi*, *büu*, эн. *biu'*, нган. *bi'*) и др. В то же время диалект разделяет многие общененецкие особенности фонетики и лексики (протеза *n̄-* перед заднерядными и *h-* перед переднерядными гласными в анлауте, редукция гласных в непервых слогах, суффикс **-g* в слове *káiar* "солнце" и др.), что вряд ли можно согласовать с трактовкой его в качестве "архаичного ответвления энецкого языка" (SW, с. 8).

Можно думать, что промежуточное (географически и лингвистически) положение "юрацкого" диалекта — следствие дивергентного развития в условиях северносамодийского диалектного кон-

тинуума, когда на него могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов – при преобладании, однако, общенецких черт. Переходный характер диалекта мог в течение длительного времени обеспечивать его носителям повышенный уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями.

После Г.Ф.Миллера записей по "бракскому" диалекту не оставил, насколько нам известно, ни один исследователь. Ныне в предполагаемой области его распространения представлены говоры тундровых ненцев – тазовские и енисейские (таймырские), довольно близкие ямальским говорам. Вероятно, данный диалект исчез не позднее середины XIX в. (иначе он, видимо, попал бы в поле зрения М.А.Кастрена) вследствие поглощения его носителей волнами новых миграций ямальских ненцев на восток ("обратных" по отношению к древним миграциям предков ненцев на запад), разделив тем самым судьбу тех говоров энецкого языка, которые были распространены к западу от Енисея.

1.4. Энецкий язык.

1.4.0. Энецким данным принадлежит значительная, в ряде случаев ключевая, роль в исследованиях, отраженных в 1.2.3. Специально вопросам энецкой исторической диалектологии посвящена работа /25/ (немецкий перевод: /29/).

1.4.1. Во всех материалах по энецкому языку, начиная с XVII в. (перевод "Отче наш" у Н.Витзена), стабильно и четко прослеживаются особенности двух его диалектов – тундрового и лесного. Однако обозначения этих диалектов крайне неустойчивы. В разных источниках XVII–XIX вв. первый из этих диалектов фигурирует под территориальными наименованиями "туруханский", "мангазейский", "карасинский", "хантайский", второй – под наименованиями "мангазейский", "карасинский", "байхинский". Причина нечеткой и даже двусмысленной атрибуции географических названий – исторические передвижения энцев, значительно сместившихся за последние 300 лет на северо-восток под давлением ненцев с запада и селькупов с юга. Это обстоятельство, дополняемое наличием ряда этнонимических обозначений (маду, манту/манду, сомату – для энТ, бай, па-бай – для энЛ), создает неоправданно сложную и противоречивую картину диалектной дифференциации энецкого языка и приводит к отдельным недоразумениям, ср. /19, с. 138–139/.

Автором выделен комплекс дифференцирующих признаков, обеспечивающих однозначную оценку диалектной принадлежности энецких материалов: 1) судьба сочетаний **ms*, **ns*, **rs* (**rk* перед передним гласным), развившихся в энТ *ɕ*, энЛ *s*; 2) отражение анлаутного **ä*- в виде энТ *e*-, энЛ *na*-; 3) отражение анлаутного **i*- в положении перед неносовым согласным в виде энТ *i*-, энЛ *ɕi*-; 4) отдельные характерные различия в рефлексации дифтонгов, ср. ПСС **kajkê* > энТ *kaɕa*, энЛ *kixo*; 5) некоторые наиболее яркие лексические различия (ср. энТ *toɕi* "ты", энЛ *ū* и энТ *fiɕo* "он", энЛ *bu*'; в лесном диалекте представлены кетские заимствования, см. /41, с. 21-22/).

Существенно, что не все фонетические признаки, традиционно привлекавшиеся для характеристики энецких диалектов, относятся к числу дифференцирующих. Некоторые из них соотнесены с различными хронологическими срезами и вариантами произношения в рамках одного диалекта. К недифференцирующим относятся, в частности, соответствия *j*-/*ɕ*-/*ʒ*-, *p*/*ɸ*/*f*-, *v*/*ʃ*-, *x*/*χ*-, наличие/отсутствие геминации интервокальных согласных. По отражению ПСС **-t*- (в виде *r* или *d*, *ɕ*) и **-r*-, **-l*- (в виде *r* или *ɕ*) различаются не тундровый и лесной диалекты в целом (как можно было бы предполагать на основе данных М.А.Кастрена), а два варианта в пределах каждого из этих диалектов (при том, что по прочим признакам эти варианты практически тождественны).

На основании этих критериев произведена диалектная атрибуция всех известных науке материалов по энецкому языку /25, с. 41-42/.

1.4.2. В /17, с. 122-126/ этимологически исследованы названия родов тундровых и лесных энцев. Исследование позволяет констатировать, что подавляющее большинство этих названий находит объяснение на уровне ближней (словообразовательно-семантической) этимологии, что согласуется с фактом относительной недолговечности бытования родовых названий в языковых коллективах малой численности. Автор полемизирует с попытками дальней этимологизации энецких родовых названий путем подбора для них случайных созвучий в этнонимии и топонимии Южной Сибири¹⁷.

¹⁷ См.: Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. - Москва, 1970. - С. 166-220; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. - Москва, 1979. - С. 29-60. - О риске, сопряженном с недоучетом фактора случайно-

1.5. Селькупский язык.

1.5.0. Специально вопросы классификации диалектов и исторической диалектологии селькупского языка рассмотрены в /26; 31/.

Опубликованные в последние годы селькупские материалы и специальные диалектологические исследования¹⁸ позволили не только достичь известной ясности и полноты в картине диалектного членения селькупской языковой территории — несомненно являющей собой классический случай диалектного континуума, — но и констатировать скоррелированность результатов, опирающихся на различные классификационные критерии. Подразделение по территориально-этнонимическим признакам (А.П.Дульзон, А.И.Кузьмина, Ю.А.Морав) принципиально совместимо и с традиционной тернарной классификацией (Т.Н.Прокофьев, П.Хайду), и с набором локальных говоров, выделявшихся М.А.Кастреном и К.Доннером¹⁹.

Не оспаривая ни значимость подразделения селькупских диалектов на северные ("тазовские"), центральные ("тымские") и южные ("кетские"), ни правомерность (особенно с точки зрения социолингвистики) выделения группы с единым этнонимом (шэлькупы, чумьлькупы, сюсегумы, шёшкумы, тыйкумы), мы, тем не менее, отдаем предпочтение несколько иной группировке селькупских говоров в шесть основных диалектов с относительно высоким уровнем внутреннего единства²⁰: 1) северный (Таз с Пуром, Карасино, Турухан с Баихой, Елогуй); 2) тымский; 3) нарымский (Обь в районе Нарыма, Васеган, Парабель); 4) кетский; 5) обский (Обь в районе Волпашева); 6) крайне южный (ныне фактически исчез; Tschl. Tsch. 00 у М.А.Кастрена, "Томск" в материалах XVIII в.). Переходный (отчасти, возможно, смешанный) характер носят некоторые говоры в этимологических исследованиях, см. также /82/.

¹⁸ См. в особенности: Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. — Budapest, 1978. — 80. köt. — 77-104. 1.; Katz H. Selkupische Quellen. — Wien, 1979.

¹⁹ Janurik T. Op. cit. — 88. 1.

²⁰ То есть с приблизительно таким же высоким уровнем взаимопонимания носителей разных говоров одного диалекта, какой наблюдается, например, в случае с тундровым или лесным диалектами (наречиями) ненецкого языка.

на Оби между Нарымом и Колпашевом (нарымско-обские) и на Нижней Кэти (кетско-обские) /26, с. 45-46; 31, с. 42-43/.

1.5.1. Предпосылки для изучения диалектной дифференциации селькупского языка в предшествующий исторический период и сопоставления ее с современной создает наличие таких лексикографических источников XVIII в. (изученных нами по рукописным оригиналам), в каждом из которых отдельно отражены данные нескольких селькупских диалектов. В материалах Г.Ф.Миллера отражены северный, тымский, нарымский, кетский и крайне-южный диалекты, в присылавшихся В.Н.Татищеву материалах – нарымский и крайне-южный, в рукописи Ф.Желтухина – северный, нарымский, кетский и крайне-южный.

Автором прослежено отражение в этих материалах (а также в отдельных источниках XVII, XIX и начала XX вв.) отличительных особенностей современных селькупских диалектов – фонетических, морфологических и лексических. В целом углубление диалектологической перспективы на 250 и более лет по сравнению с современными данными не меняет существенно общей картины селькупского диалектного континуума. Формы из словариков XVIII в. обладают существенно большим сходством с формами, которые фиксируются на соответствующих территориях позже, чем с праселькупскими реконструкциями²¹ и с инодиалектными формами того же XVIII в. Наряду с этим общим выводом, конструктивными результатами проведенного исследования явились абсолютные датировки некоторых процессов в диалектной исторической фонетике, в частности, расширения кратких гласных *i, *ü, *j, *u, *e в большинстве диалектов (кроме северного) (между серединой XVIII и началом XIX в.), развития *s > h и *ps > f в нарымском диалекте (первая половина XVIII в.).

1.5.2. Можно предполагать, что для накопления той суммы диалектных различий, которая прослеживается уже по наиболее ранним селькупским записям²², потребовалось время в несколько раз

²¹ В полном виде реконструкция праселькупского фонетического состояния пока никем не изложена, однако конкретно воспроизводимые праформы в работах Х.Катца, Т.Янурика и автора совпадают или весьма близки.

²² Вероятно, первым зафиксированным селькупским словом можно считать самоназвание нарымских и кетских "остяков" – чугулы

большее, чем лингвистически документированное последнее двухсот-пятидесятилетие. Вряд ли окажется завышенной оценка возраста дивергенции селькупских диалектов в I тыс. лет, фактически же она могла начаться вскоре после завершения прасамодийской эпохи, то есть в начале I тыс. н.э.²³.

Применение глоттохронологического метода к спискам базисной лексики двух сильно удаленных друг от друга диалектов – северного и обского (по материалам /3/) дает – при 12 расхождениях на 84 слова – длительность дивергенции порядка 0,5 тыс. лет /31, с. 53–54/. Известно, однако, что на материале диалектов одного языка или близкородственных языков, сохраняющих между собой маргинальные контакты, глоттохронологическая формула М.Сводеша склонна давать систематическую ошибку в сторону занижения возраста дивергенции. Связано это с тем, что в условиях контактирования (тем более континуума) диалекты и языки общего происхождения оказывают друг на друга консервирующее влияние или вводят общие лексические инновации.

I.5.3. В последние столетия определяющую роль в развитии диалектной дифференциации селькупской языковой территории сыграл разрыв исходного континуума на два крупных и почти полностью изолированных друг от друга массива – северный и тымско-нарымско-кетско-обский (южный в широком смысле). Распространение инновационных диалектно-дифференцирующих признаков (утрата лабиализованных согласных и *š на севере, расширение гласных первого слога на "яге") было строго ограничено пределами каждого из этих массивов.

I.5.4. Еще один аспект историко-диалектологического изучения селькупского языка освещен в нашей работе о селькупских заимствованиях в русских говорах Приобья /23/. При явно неудовлетворительном состоянии диалектной лексикографии селькупского юга свидетельства субстратных и адстратных проникновений в русские говоры оказываются существенным источником для реконструкции фонетического облика селькупских диалектных слов, особенно относящегося (т.е. *šu(j)gūla*) у Николая Спафария (1675 г.).

²³ Согласно гипотезе А.П.Дульзона, отдельные особенности селькупских диалектов могут даже отражать диалектные различия прасамодийской эпохи (Dulzon A. Über die räumliche Gliederung des Sälkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Сов. финно-угроведение. – Таллин, 1971. – Т. VII, № I. – С. 35–43).

пихся к сфере рыболовно-охотничьего промысла. Ср., например, не засвидетельствованное непосредственно *кч.-сельк. čuŋ* (чему соответствует сев.-сельк. *čuiŋ* "мясо или рыба, поедаемые в сыром виде"), заимствованное в русские говоры: *чуш*, *чущь* "кушанье из мороженой рыбы с солью и перцем" /23, с. 218/. Обнаруживается хорошая корреляция между распространением слов в говорах селькупского языка-источника и русского языка; ср., например, *изоглоссу рус. диал. акка* (северо-запад Томской обл.) и *анга* (северо-восток Томской обл.), которая как бы повторяет *изоглоссу qɑ/ɲɑ* в селькупских диалектах /23, с. 204/. В этой связи ценным этноисторическим свидетельством является факт наличия селькупских заимствований не только на севере, но и на крайнем юге Томского Приобья (вплоть до примыкающих к Томской обл. Мариинского и Яшкинского р-нов Кемеровской обл.).

1.6. Камасинский язык.

Как уже упоминалось в I.1.6, автором была предложена трактовка т.н. койбальского языка (самодийского, в отличие от ныне существующего койбальского диалекта хакасского языка) как диалекта камасинского языка /4, с. 78-79; 2, с. 35-36/. В огромном большинстве случаев койбальские слова из материалов П.С.Палласа и Г.И.Спаского (более поздних данных не существует) обнаруживаются в аналогичном фонетическом облике или с минимальными отличиями в камасинских источниках. Более или менее регулярные фонетические расхождения между камасинскими и койбальскими формами (кам. *ɸ-*, *-ɸ-* : койб. *s-*, *-z-*; кам. *-i* : койб. *-ä*, *-e*; кам. *ɕ*, *ʈ* : койб. *ʃ*) естественно интерпретировать как различия между двумя близкими диалектами одного языка²⁴.

Причина двойного названия языка (камасинский и койбальский) кроется в том, что в состав административной единицы - Койбальской землицы XVIII в. - входило несколько улусов с населением, говорившим по-камасински²⁵; закрепление за этим населением названия "койбалы" (по территориальной принадлежности) создало ви-

²⁴ Эти расхождения находят точные аналоги в соотношении различных диалектов хакасского языка.

²⁵ Potapov L.P. Zur Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren // Journal de la Société Finno-Ougrienne. - Helsinki, 1957. - Т. LXX:1. - P. 14-16.

димость отличия от близких по языку групп, оставшихся за пределами этой административной единицы.

1.7. Маторский язык.

1.7.0. Окончательную ясность в вопрос о соотношении трех саяно-самодийских идиомов – маторского, тайгйского и карагаского – позволило внести обнаружение рукописи Г.Ф.Миллера, привлекающей одновременно тайгйский, карагаский и маторский материал и фактически представляющей собой диалектологический словарь, см. комментированное издание и факсимиле этого важнейшего источника /36, с. 54–83, 113–120/. Словарь свидетельствует о том, что эти идиомы представляли собой диалекты одного языка (более близкие, чем, например, ненецкие, энецкие или селькупские диалекты) и одновременно выделить дифференциальные особенности каждого из трех диалектов; при этом для собственно маторского и карагаского диалектов релевантность и устойчивость таких особенностей подтверждается другими, независимыми от Г.Ф.Миллера источниками, в частности, словниками П.С.Палласа и Г.И.Спасского /36, с. 84–106, 121–132/.

В силу того, что оказавшиеся в распоряжении автора материалы существенно расширили базу данных по маторскому языку, и в силу специфики этих материалов в цикле наших работ /2, с. 32–35; 14; 32; 34; 36; 38; 39; 45; 48; 53/, как правило, совмещаются описательные, исторические и диалектологические аспекты маторского языкознания; в известной мере условным является и отграничение данного раздела от раздела 2.5.

1.7.1. Обнаруживается примечательная регулярность в лексических различиях между тремя маторскими диалектами: в ряде случаев тюркскому заимствованию в собственно маторском и тайгйском соответствует монголизм в карагаском (ср. мат. тайг. un "мука": караг. talkán id. и под.) /2, с. 32; 45; 53/. При этом и тюркское, и монгольское влияние отражены в заимствованиях различной хронологической глубины: так, среди тюркизмов оказываются и формы древне- или даже прототюркского происхождения (kúgo "лебедь" – др.-тюрк. quçu; üdÿ "корова" – др.-тюрк. ud < ? *udÿ, см. /38, с. 128/), и формы с явно поздними, специфически хакасскими чертами (сызо "теленки", kip "приданое"); среди монголизмов одни близки среднемонгольским формам (soktÿr-gesh "пьяный", bitschiktshi "писарь"), другие же обладают

характерными бурятскими чертами (sed "медь", kolhon "камыш"). Нередко древние и поздние заимствования совмещаются в пределах одних и тех же тематических групп культурной лексики. С другой стороны, устойчивый во времени характер носило (по данным заимствований) влияние саянских самодийцев на их тюрко- и монголоязычных соседей в сфере оленеводства. Эти и некоторые другие факты автор интерпретирует как свидетельства определенной этноязыковой стабильности присаянского региона в течение всего периода самостоятельного бытования в этом регионе маторского языка. Стабильность вряд ли может быть объяснена чем-либо иным, кроме как устойчивым распределением региона (чрезвычайно контрастного по своим природно-ландшафтным условиям) между этнически разнородными группами, специализированными на разных типах хозяйственной деятельности /39/.

1.7.2. В перечень саяно-самодийских языков ранее нередко включался "сойотский"; согласно предположению К.Доннера и А.Й.Йоки, памятником этого языка могут являться 23 слова из некоего "языка саянских горцев" в "Зоографии" П.С.Палласа²⁶. Сравнение этих слов с расширенным корпусом маторских данных показало, однако, что "язык саянских горцев" не только не может быть противопоставлен маторскому языку, но и даже не может быть признан особым его диалектом, поскольку оказывается фактически тождественным карагасскому диалекту /2, с. 32-35/.

1.7.3. Остается проблематичным происхождение саяно-самодийского лексического материала из работ Д.Г.Мессершмидта и Ф.Й.фон Страленберга²⁷, обсуждавшееся нами в /2, с. 37/. Радикальны решением было бы признание этого материала принадлежащим особому самодийскому языку (близком маторскому), однако скудость и возможная неоднородность данных (которые совпадают большей частью с маторскими, частично же с камасинскими формами) препятствуют принятию такого решения.

²⁶ Donner K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. - Helsinki, 1920. - S. 5-6; Joki A.J. Die Lehnwörter der Sajansamojedischen. - Helsinki, 1952. - S. 26, 31.

²⁷ Приведен в кн.: Donner K. Samojedische Wörterverzeichnis. - Helsinki, 1932. - S. 8-9.

Часть 2. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ.

2.1. Ненецкий язык.

Возможности полевой работы с информантами-ненцами (носителями большеземельского и енисейского говоров тундрового диалекта, пуровского говора лесного диалекта) использовались нами для выяснения частных вопросов, а систематический сбор диалектных данных не проводился.

Среди фрагментарных результатов описательного характера следует выделить констатацию присутствия четырех фонетических и фонологических форм количественной оппозиции гласных в ненецких диалектах: 1) "нормальной" долготы основных аллофонов гласных фонем /a/, /e/, /i/, /c/ и /u/ в противопоставлении краткости (редуцированному качеству) основного аллофона гласной фонемы /ǎ/; 2) "нормальной" долготы основных аллофонов гласных фонем в противопоставлении краткости их позиционно обусловленных аллофонов (сокращение особенно характерно для фонем /i/ и /u/ в закрытых слогах); 3) "нормальной" долготы (или позиционной краткости) у гласных фонем монофонгического происхождения в противопоставлении сверхдолготе гласных фонем того же качества, восходящих к дифтонгам или имеющим экспрессивно-ономатопеическое происхождение; 4) восходящей интонации в противопоставлении нисходящей (эта оппозиция может заменять собою оппозицию из предшествующего пункта). К сожалению, во всех существующих грамматических описаниях и источниках ненецкого материала эти феномены, резко различающиеся по своей фонологической значимости, в большей или меньшей мере смешаны друг с другом /24, с. 16-17/; см. также /13, с. 35; 27, с. 114-115/.

Традиционно считалось, что базисным текстам ненецкого песенного фольклора чужды метрические схемы, а соразмерность песенных строк и мелодии достигается за счет свободного включения в эти строки элементов-наполнителей¹. Однако привлечение результатов глубоко-фонологического описания ненецкого языка²

¹ См., например: Hajdú P. Beiträge zu den Grundproblemen der jurakischen Volksdichtung // Neohelicon: Acta Comparationis Litterarum Universarum. - Budapest; Amsterdam, 1978. - Т. 6, N 1. - P. 143-160.

позволило наглядно продемонстрировать, что в ненецком стихосложении и на уровне базисного текста обычно строго соблюдаются метрические нормы, ибо в счет гласных идут не фонемы поверхностного уровня, а глубинные фонемы и фонемосочетания (так, слово *хапай* "унес" используется в стихосложении не как двусложное, а как четырехсложное, в соответствии с его глубинным представлением /*хапайаа*/). Иными словами, песенная речь – в отличие от обычной разговорной – сохранила слогово-вокалическую структуру древнененецких праформ, приближенем к которым являются глубинно-фонологические формы /37, с. 307/. В метрике преобладает изосиллабическое построение песенного текста с использованием шестисложных строк из трех трохейческих или двух дактилических стоп (в эпической и лирической поэзии) или восьмисложных строк из четырех трохейческих стоп или двух пеонов первых (в текстах шаманских камланий). Эти характеристики универсальны для песенного фольклора ненцев (как тундровых, так, по-видимому, и лесных). В то же время детальный анализ опубликованных текстов позволяет для конкретных случаев выделить определенные диалектные или идиолектные особенности в трактовке соотношения между поверхностным и глубинным уровнями фонологии, см. /50/.

2.2. Энецкий язык.

В 1976 и 1978–1979 гг. экспедицией Московского университета был собран обширный материал по тундровому диалекту энецкого языка. В частности, автором изучались фонетика и словоизменятельная морфология диалекта, составлялся словарь (в основном отражающий языковую компетенцию одного человека – блестящего знатока родного языка, ныне покойного Холи Николаевича Каплина), был записан ряд текстов. Завершение обработки и публикация собранного материала остаются делом будущего.

Ограниченного объема сравнительный материал собран и по лесному диалекту энецкого языка.

В наших публикациях освещены лишь отдельные вопросы энецкой описательной диалектологии: тональные оппозиции /II, с. 41–44/, фонологические и морфонологические свидетельства в пользу нееднофонемной трактовки энецких долгих гласных и дифтонгов /I3,

² Janhunen J. Glottal Stop in Nenets. – Helsinki, 1986. – 202 p.

с. 36-37; 24, с. 13-15/, встречаемость звонких шумных согласных в анлауте /37, с. 310/, собирательная и женская формы этнонимов и родовых названий /17, с. 126-128/. В / 9; 19/ и ряде других работ широко привлекался – преимущественно в этимологических целях – энецкий лексический материал.

2.3. Нганасанский язык.

Полевое изучение говора авамских нганасанов было начато экспедицией Московского университета в 1978–1979 гг. и продолжено автором самостоятельно в 1986–1987 гг. Основными задачами (к настоящему времени еще не выполненными до конца) были морфологическое исследование, составление словаря и сбор текстов.

Важный фрагмент морфонологического описания был изложен нами в докладе на XI Международном конгрессе фонетических наук (Таллин, 1987 г.) /35/. Уточнены (частично установлены впервые) закономерности характерного для нганасанского языка чередования степеней согласных – ближайшего аналога соответствующего явления в прибалтийско-финских и саамском языках, формулируемые в виде следующего набора правил: 1) перед гласным четной от начала слова моры появляется сильная ступень, перед гласным нечетной моры – слабая; 2) непосредственно после согласного (в том числе и исторически утраченного, но присутствующего на глупинно-фонологическом уровне) выступает сильная ступень, если только само возникающее сочетание согласных не участвует в чередовании ступеней; 3) непосредственно после долгого гласного или дифтонга выступает слабая ступень; 4) ритмически сильная ступень чередования подвергается ослаблению в начале исходно закрытого слога (причем результат такого ослабления не всегда тождествен ритмически слабой ступени). Отсчетом мор – однако уже не от начала, а от конца слова – определяется и просодическая организация нганасанских слов: основное ударение обычно приходится на гласный, включающий предпоследнюю вокалическую мору, а дополнительное ударение – на гласный, включающий четвертую от конца слова мору. Эти две модели отсчета мор предположительно связаны с различными хронологическими стадиями в истории нганасанского языка.

К изучению нганасанской лексики см., в частности, /33/. Специфика языковых средств фонетического, морфологического, словообразовательного, семантического уровней, используемых в

интереснейшем жанре иносказательных песен kajpajrba, рассматривается в /49/.

2.4. Селькупский язык.

2.4.0. На основе полевых исследований, проведенных экспедицией Московского университета в Красноселькупском р-не Ямало-Ненецкого АО в 1970-1973 и 1977 гг., А.И.Кузнецовой, Е.В.Грушкиной и автором было выполнено монографическое описание тазовского диалекта селькупского языка (с опорой на среднетазовский говор и с учетом данных верхнетазовского говора). Для первого тома этой монографии нами написаны разделы "Фонология", "Существительное", "Глагол", "Числительное", "Местоимение", "Послелоги" /1, с. 118-265, 285-300, 314-324/ (ниже суммируется содержание только этих разделов). В печати находится второй том монографии /42/, включающий диалектные тексты и словарные материалы; полный вариант словаря тазовского диалекта имеется в виде рукописи и картотеки.

В 1879 г. в Казани были изданы четыре небольшие книжки учебного и религиозно-просветительского содержания, составленные на селькупском языке Н.П.Григоровским. Эти издания содержат обширный лексический и важный (хотя и не во всем надежный) грамматический материал по обскому диалекту селькупского языка (преимущественно говор Костенкиных юрт на Нижней Чае), исследованному чрезвычайно слабо. Результатом обработки этого материала явилась монография "Язык первых селькупских книг" /3/, включающая грамматический очерк и словарь к текстам Н.П.Григоровского.

Для издания "Языки мира" автором подготовлено описание селькупского языка с ориентацией на тазовский диалект /44/. Отдельные проблемы описательной грамматики тазовского и некоторых других диалектов селькупского языка рассматриваются также в статьях /5; 8; 10; 16; 22; 23; 51; 52/.

2.4.1. Ряд существенных моментов фонетико-фонологического и морфологического строя тазовского диалекта селькупского языка был описан в /1/ впервые или интерпретирован принципиально иным способом, нежели в описании Г.Н.Прокофьева³ и в других ра-

³ Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. - Ленинград, 1935. - 136 с.

ботах по селькупскому языку⁴. К новым результатам, в частности, относятся:

- Характеристика звукового строя в терминах фонологических оппозиций и аллофонических распределений.

- Констатация фонологической противопоставленности напряженных и ненапряженных гласных переднего ряда (ср. čintǝ "в ведро" : čintǝ "тетива", seɫčǝ "семь" : seɫčǝ "разнообразный").

- Формулировка акцентуационных правил, основанных на разграничении трех родов аффиксов: 1) аффиксов, не нарушающих действия основного акцентуационного правила, согласно которому ударение ставится на ближайший к концу слова долгий гласный, а при отсутствии в слове долгих гласных - на первый краткий гласный; 2) аффиксов, в составе которых краткий гласный ведет себя с точки зрения основного правила как долгий; 3) аффиксов, создающих в слове феномен дву- или многоударности (ср. ki'ki-tiɫ' 1 "любящий" : ki'-ki-tiɫ' 3 "лишенный реки", qɔ'r-aɫ-ra 1,1 "застонал" : qɔ'r-aɫ'-ra 2,1 "постанывает"; цифрами обозначен род аффиксов).

- Введение системы индексации для ауслатных носовых и смычных согласных, указывающей на то, какой из пяти возможных моделей фонетического и морфонологического чередования следует данный согласный.

- Описание фонетических особенностей верхнетазовского говора сравнительно со среднетазовским.

- Подробная разработка морфологии именного и глагольного словоизменения.

- Трактровка таких соотносящихся между собой субстантивных, вербальных, адъективных и адвербиальных форм, как ima "женщина" : imaɫčk "я женщина" : imal' "женский" : imaɫ "по-женски" или ilɪrtǝ "жизнь" : ilak "я живу" : ilɪntiɫ' "живущий" : ililǝ "жива", в качестве форм различных репрезентаций одной части речи. Регулярное изменение по категории репрезентации не только гла-

⁴ Тазовский диалект - не только самый распространенный, но также типичный и во многих отношениях архаичный селькупский диалект, что обуславливает применимость большинства полученных результатов к характеристике всего массива селькупских диалектов.

голов, но и имен составляет одну из наиболее своеобразных черт тазовского диалекта⁵.

- Разграничение двух основ у имен, оканчивающихся в Nom. Sg. на согласный (ср. *кеш/кѣш* - "кровь", *ном/нѣ* - "Бог, небо").

- Выделения собирательной формы существительных на *-г шѣ*, смешивавшейся в предшествующих описаниях с мн.ч. неодушевленных существительных.

- Констатация (в частности, применительно к падежной системе) принципа замены маркированных форм немаркированными в случаях, когда маркируемое значение обусловлено контекстом.

- Выделение в качестве самостоятельных падежей каритива, координатива, вокатива, а также разграничение датива-аллатива и иллатива; вместе о тем, трактовка т.н. комитатива (Г.Н. Прокофьев) как сочетания имени с послелогом⁶.

- Описание относительной, координативной и локативной адъективных форм существительного (с присущим им изменением по категории посессивности), а также аналитических адъективных форм, соотносящихся с другими падежами субстантивной репрезентации. Описание адвербиальной формы существительных.

- Установление формальных различий между глаголами совершенного и несовершенного вида (только от последних образуются причастия настоящего времени на *-тѣг*, *-нтѣг* и др.)⁷.

- Описание классов каузативных и возвратных глаголов.

- Систематизация данных по категории совершаемости (способа действия, подвида) у глаголов; ряд форм глагольной совершаемости выявлен впервые.

- Последовательное разграничение систем времен в индикативе (настоящее, прошедшее, повествовательное прошедшее, буду-

⁵ Ср. использование данной трактовки в диссертации А.И. Гашилова "Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка" (Ленинград, 1988).

⁶ В трактовке падежной системы мы отчасти следовали за Э.Г. Беккер и другими исследователями диалектов селькупского яга.

⁷ Ср. использование этого формального принципа (и некоторых других элементов предложенного описания глагола) в диссертации Н.Г. Кузнецовой "Глагольная подсистема в кетском диалекте селькупского языка" (Томск, 1987).

щее) и латентиве – наклонении неочевидного действия (настоящее, сшествовательное прошедшее, будущее).

– Выявление и описание некоторых членов глагольной парадигмы: дебитива – должствительного наклонения (qō-ps̄t̄ar "я должен найти"), имени действия на -ku-, используемого преимущественно в конструкциях с послелогом, и др.

– Описание различных вариантов оформления отрицательных конструкций с именем действия на -ptā; констатация тенденции к образованию на основе этих конструкций негатива – наклонения несостоявшегося действия.

– Анализ специфики проявления категории репрезентации у тех частей речи, которые выделяются скорее по семантическим, нежели по формальным признакам (числительное, местоимение), а также у послелогов.

– Описание парадигматики и употребления местоимений с основой on-, выступающих в функциях лично-определятельных, возвратных, возвратно-притяжательных местоимений.

2.4.2. Презентация данных по обскому говору Костенкиных юрт на Нижней Чае и оценка текстов Н.П. Григоровского как лингвистического источника в /3/ опираются на собранные нами сведения об истории создания первых селькупских книг. Принципиальное значение имеет разграничение тех языковых фактов (особенно в сфере морфологии и синтаксиса), которые представлены в опубликованных Н.П. Григоровским оригинальных селькупских текстах, и таких явлений, которые характерны для выполненных им самостоятельно (или при минимальной помощи информантов) переводов на селькупский язык: эти переводы опираются на неполные и во многом искаженные представления о структуре языка.

В грамматическом очерке /3, с. 18–52/ выявлены, в частности, следующие диалектологически релевантные особенности говора:

– Сохранение лабиализованных гласных в ауслауте именных основ.

– Использование суффикса -го-, -гы- в качестве расширителя корня в косвенных формах имен структуры CV: по "дерево", Acc.Sg. погым (вероятна связь этого суффикса с ПС коаффиксом местных падежей).

– Гармоническая обусловленность перегласовки гласного *э в положении перед аффиксами местных падежей, ср. андогын "в лод-

ке" : мүтэҥи "на войне" (от *anta, *mūt₂).

- Использование аффикса дестинатива -н^с (первоначально, по нашему предположению, окончание посессивной формы этого падежа для посессора I л. ед.ч.: *nə-qo > *nōqo > nō).

- Способность чистой глагольной основы выступать в качестве знаменательного компонента аналитических бивербальных конструкций: пáчитнүтырнан "он перестал рубить". Таким образом, основа глагола является не грамматической абстракцией (как в тазовском диалекте), а полноправным членом глагольной парадигмы.

- Параллельное употребление производных прилагательных и их дериватов с аугментом -(н)н: сэг ~ сэгнн "черный".

- Правило, согласно которому личное местоимение I л. ед.ч. в роли прямого дополнения стоит в аккузативе, находясь в непосредственной препозиции предикату, и в номинативе, если оно отделено от предиката.

В целом грамматический очерк дает относительно цельное описание всей фонетико-морфологической структуры языка первых селькупских книг, восполняя тем самым отсутствие более подробных, непосредственно опирающихся на полевой материал, исследований по обскому диалекту.

Основную часть монографии составляет словарь к текстам Н.П. Григоровского, включающий 1726 статей /3, с. 56-225/. В статьях систематически приводятся этимологические и семантические эквиваленты из тазовского диалекта, при необходимости также филологические и другие комментарии⁸.

⁸ Извлечение из текстов данных для этого словаря было в известной мере обратной процедурой по отношению к действиям самого Н.П.Григоровского, который составил Остяцко-самоедский словарь и использовал его (нередко слишком механистично) при переводе текстов с русского языка. Намерение издать, вслед за книжками, сам этот словарь Н.П.Григоровскому осуществить не удалось, и - по прошествии более чем ста лет - у нас были основания считать данный лексикографический источник безвозвратно утраченным /3, с. II-12/. К счастью, дальнейшие разыскания позволили обнаружить рукопись Остяцко-самоедского словаря в библиотеке Казанского университета (шифр 6.413) и снять с нее копию. По своему лексическому составу эта рукопись почти полностью покрывает составленный нами словарь и существенно перекрывает его.

2.5. Маторский язык.

2.5.0. Благодаря расширению корпуса лексикографических источников (см. I.7.0) появилась возможность заменить обрывочные сведения о маторском языке, содержащиеся в уралистических исследованиях, более цельными и полными представлениями о структуре и истории этого языка и каждого из трех его диалектов – собственно маторского, тайгийского и карагасского. Осуществлению этой задачи служат впервые выполненное описание маторского языка, подготовленное нами для энциклопедии "Языки мира" /45/, а также фонологическое исследование /32/ и комментарии по поводу отдельных диалектных глосс в /36/. Разумеется, специфика имеющегося материала определяет собой гипотетичность ряда описательных решений (в частности, некоторые выводы фонологического характера опираются только на анализ колебаний и отклонений в написании слов).

2.5.1. Наиболее существенные изменения в системе фонем маторского языка по сравнению с прасамодийским состоянием (см. SW I4) – появление /b/ и /h/ на месте *w и *p (при этом *p в анлауте и интервокальном положении превратился в /h/, а в соседстве с согласными и в ауслауте сохранил свое исходное фонетическое качество, но подвергся трансфонологизации, вступив в отношение дополнительного распределения с b и став аллофоном фонемы /b/), замена "старой" аффрикаты *č (которая, как и в большинстве других самодийских языков, слилась с *t) на "новую" аффрикату /č/ (которая развилась из *j, отчасти из *s). Интересная особенность языка (впервые продемонстрирована Ю.Янхуненом в SW) – типологически "противоестественное" по своему направлению развитие *s > k в положении перед гласными переднего ряда среднего и верхнего подъема (ср. kündschi "грудь" < ПС *sünsâ id.). В маторском диалекте была утрачена фонема /h/ (за счет процессов *h- > n-, *-h- > -j-).

Набор гласных фонем был, по-видимому, довольно близок к прасамодийскому. О присутствии некардинальных гласных можно судить главным образом по вариативности написаний (но в случае с *e эта вариативность настолько велика, что вынуждает думать об утрате этой фонемы с различной рефлексацией по позициям и по диалектам). Прослеживаются регулярные процессы унификации во-

кализма в пределах основы по признакам ряда и лабиализации; ассимиляции гласным соседних слогов был особенно подвержен ПС ^{№8}, который, по-видимому, не сохранился в качестве особой фонемы.

Существовала суффиксальная гармония гласных по ряду, а для верхнего подъема, видимо, и по лабиализации.

2.5.2. Морфологическая информация, которая может быть выявлена путем анализа присутствующих в словниках парадигматических словоформ и редких словосочетаний, довольно скудна. Удаётся констатировать в основном лишь достаточно тривиальные с точки зрения самодийских факты: наличие у имени категорий падежа (номинатив, генитив, аккузатив, локатив, ? пролатив) и possessивности (в possessивных формах выражаются лицо и число possessора, единственное и множественное число предмета обладания); наличие у глагола категорий склонения (индикатив, императив), времени в индикативе (настоящее, прошедшее), типа спряжения — по крайней мере в императиве (субъектный и объектный или интранзитивный и транзитивный), лица. Устанавливаются суффиксальные показатели прилагательных (или адъективных форм), причастий (активного и пассивного или имперфектного и перфектного), инфинитива, глагольных совершенностей и залоговых форм. Конкретные показатели этих категорий в подавляющем большинстве имеют прасамодийское происхождение и не обнаруживают диалектных различий (кроме закономерных фонетических особенностей), см. /45/.

Глагольное отрицание обычно выражается сочетанием спрягаемого вспомогательного отрицательного глагола 1- с неоформленной глагольной основой. В одном примере из тайгийского диалекта наблюдается, однако, сочетание неоформленного вспомогательного отрицательного глагола с личной формой основного глагола /36, с. 73/, что может указывать на переход от общесамодийского к селькупскому типу оформления глагольного отрицания.

Тюркское влияние на маторский язык в сфере морфологии отражено широкой употребительностью аналитических глагольных конструкций, в которых вторым компонентом (семантическим модификатором) служат глаголы того же семантического круга, что и в тюркских прототипах ("сидеть", "стоять", "идти", "посылать", "давать" и т.п.). Наибольшее распространение такие конструкции имеют в собственно маторском диалекте по Г.И. Спасскому, т.е. в наиболее позднем из источников (1806 г.).

Список основных трудов по теме диссертации

Монографии

1. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. - Москва: Изд-во Московского ун-та, 1980. - Т. I. - 411 с.

Разделы, написанные диссертантом: 2 Фонология, 3.1 Существительное, 3.2 Глагол, 3.5 Числительное, 3.6 Местоимение, 3.7.4 Послелог (с. 118-265, 285-300, 314-324). Другие разделы монографии принадлежат соавторам.

2. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). - Москва: Наука, 1982. - 164 с.

3. Helimski E. The Language of the First Selkup Books. - Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata, 1983. - 268 p. - (Studia uralo-altaica; 22).

Статьи, тезисы, рецензии

4. Хелимский Е.А. К проблеме классификации самодийских языков // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки: Тез. докл. - Москва: Ин-т востоковедения АН СССР, 1973. - С. 77-82.

5. Хелимский Е.А. О неабсолютном характере одной универсалии // Лингвотипологические исследования. - Москва: Изд-во Московского ун-та, 1973. - Вып. I, ч. I. - С. 231-239.

6. Хелимский Е.А. Самодийские языки // Большая советская энциклопедия. - 3-е изд. - Москва: Сов. энциклопедия, 1976. - Т. 22. - С. 535.

7. Хелимский Е.А. Об одном переходном северносамодийском диалекте (К исторической диалектологии ненецкого языка) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всес. конф. - Томск: Томский гос. пед. ин-т, 1976. - С. 89-93.

8. Хелимский Е.А. О соответствиях уральских а- и е-основ в тазовском диалекте селькупского языка // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1976. - Т. XII, № 2. - С. 113-132.

9. Хелимский Е.А. К изучению ненецко-энецких лексических контактов // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязи с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. Всес. науч. совещ. финно-угроведов. - Ужгород: Ужгородский гос. ун-т,

10. Хелимский Е.А. Рец. на кн.: Hajdú P. *Samojedologische Schriften* // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1977. - Т. XIII, № 4. - С. 301-305.
11. Хелимский Е. Тональные оппозиции в уральских языках // *Nyelvtudományi Közlemények*. - Budapest, 1977. - 79. köt. - 3-55. 1.
12. Хелимский Е.А. Реконструкция прасеверносамодийских (ПСС) лабиализованных гласных непервых слогов // Конф. "Проблемы реконструкции": Тез. докл. - Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1978. - С. 123-126.
13. Helinski E. On the Origin of Prosodic Features in Some Samoyed and Ugric Languages // *Estonian Papers in Phonetics* 1978. - Tallinn, 1978. - P. 35-38.
14. Хелимский Е.А. Лексикографические материалы XVIII - начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам // Языки и топонимия. - Томск, 1978. - Вып. VI. - С. 47-58.
15. Хелимский Е.А. Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: Тез. докл. на XVI Всес. конф. финно-угроведов. - Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1979. - С. 114.
16. Хелимский Е.А. Атрибутивная и неатрибутивная формы числительного 'два' // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1980. - Т. XVI, № 1. - С. 6-10.
17. Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1981. - Т. XVII, № 2. - С. 119-131.
18. Хелимский Е.А. Самодийская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия, - Москва: Сов. энциклопедия, 1982. - Т. 2. - С. 398-401.
19. Хелимский Е.А. Рец. на кн.: Katschmann M., Pusztay J. *Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis* // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1982. - Т. XVIII, № 2. - С. 135-147.
20. Хелимский Е.А. *Keto-Uralica* // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. - Ленинград: Наука, 1982. - С. 238-254.
21. Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. обл. научн. конф. по лингвистике. - Омск: Омский гос. ун-т, 1983. - С. 5-10.

22. Хелимский Е.А. Прасамодийские серии посессивов и их рефлекс // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тез. совещания. - Москва: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1983. - С. 107-112.

23. Хелимский Е.А. Селькупские заимствования в русских диалектах // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1983. - Т. XIX, № 3. - С. 202-216.

24. Helinski E. Phonological and Morphological Properties of Quantity in Samoyed // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen / Hrsg. von P.Hajdú u. L.Honti. - Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. - (Bibliotheca Uralica; 7). - S. 13-17.

25. Хелимский Е. Установление диалектной принадлежности энецких материалов // Dialectologia Uralica. Erstes internationales Symposium zur Dialektologie der uralischen Sprachen: Thesen zu den Vorträgen und Vorschlägen zur Klassifizierung und einheitlichen Beschreibung der Dialekte der uralischen Sprachen / Hrsg. von W.Veenker. - Hamburg: Societas Uralo-Altaica, 1984. - S. 38-43.

26. Хелимский Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Ibid. - S. 44-46.

27. Хелимский Е.А. Две заметки о славянско-самодийских аналогиях // Балто-славянские исследования 1983. - Москва; Наука, 1984. - С. 114-123.

28. Helinski E. Proto-Uralic Reconstruction in Its Nostratic Context // Шестой Международный конгресс финно-угроведов: Тез. - Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. - Т. II. - С. 77.

29. Helinski E. Die Feststellung der dialektalen Zugehörigkeit der encischen Materialien // Dialectologia Uralica: Materialien der ersten internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.-7. September 1984 in Hamburg / Hrsg. von W.Veenker. - Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. - S. 303-308.

30. Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 206-213.

31. Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири: Сб. научн. тр. - Барнаул: Барнаульский гос. пед. ин-т, 1985. - С. 42-58.

32. Хелимский Е.А. Опыт фонологической интерпретации данных по маторско-тайгйско-карагасскому языку (МТК) // Фонетика языков Си-

бири и сопредельных регионов. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 99-102.

33. Хелимский Е.А. Рец. на кн.: Kortt I.R., Simčenko Ju.B. Wörterverzeichnis der Nganasanischen Sprache. Teil 1: Nganasan-Deutsch-Russisches Glossar // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1986. - Т. XXII, № 4. - С. 312-315.

34. Хелимский Е.А. Правило Хонти для венг. fészek и его аналог в маторско-тайгийско-карагасском языке // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1987. - Т. XXIII, № I. - С. 57-60.

35. Хелимский Е.А. Встречный двунаправленный отчет мор в иганасанском языке // The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences: Proceedings. - Tallinn, 1987. - Vol. 1. - P. 158-161.

36. Helinski E. Two Mator-Taigi-Karagas Vocabularies from the 18th Century // Journal de la Société Finno-Ougrienne. - Helsinki, 1987. - Т. 81. - P. 49-132.

37. Helinski E. Rev. of: Janhunen J. Glottal Stop in Nenets // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1987. - Т. XXIII, № 4. - С. 304-310.

38. Хелимский Е.А. Etymologica 1-48 (Материалы по этимологии маторско-тайгийско-карагасского языка) // Nyelvtudományi Közlemények. - Budapest, 1986. - 88. köt. - 119-143. 1.

39. Хелимский Е.А. К истории этноязыковой ситуации в центре Азии: Данные маторско-тайгийско-карагасского языка // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. - Москва: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва "Наука", 1988. - Ч. II. - С. 153-166.

Научно-популярные статьи

40. Хелимский Е.А. От лета 974-го [О глоттохронологическом методе] // Знание - сила. - Москва, 1974. - № 2. - С. 48-50.

41. Хелимский Е.А. Язык двухсот [О тундровом диалекте энецкого языка] // Знание - сила. - Москва, 1976. - № 3. - С. 21-23.

В печати

42. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. - Т. 2. - 300 с. (в соавторстве с А.И.Кузнецовой, О.А.Казакевич, Л.Ю.Иоффе).

43. Самодийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. - Москва: Сов. энциклопедия. - 8 с.

44. Селькупский язык // Языки мира: Энциклопедия. - Москва: Сов. энциклопедия. - 34 с.
45. Маторский (маторско-тайгиско-карагасский) язык // Языки мира: Энциклопедия. - Москва: Сов. энциклопедия. - 15 с.
46. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Проблемы лексической реконструкции. - Москва: Наука. - 25 с.
47. A Plea for Combining Synchrony and Diachrony in the Description of Uralic Dialects // *Dialectologia Uralica*. - Budapest: Akadémiai Kiadó. - 2 p.
48. Etymologica 49-79 (Материалы по этимологии маторско-тайгиско-карагасского языка) // *Nyelvtudományi Közlemények*. - Budapest. - 90. köt. - 29 с.
49. Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория. - 27 с.
50. Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. - Helsinki. - Т. 82. - 57 с.
51. Рец. на дис.: Ким А.А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка // Сов. финно-угроведение. - Таллин. - 8 с.
52. Рец. на дис.: Кузнецова Н.Г. Глагольная подсистема в кетском диалекте селькупского языка // *Fenno-ugristica*. - Tartu. - 8 с.
53. On the Interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic: A Rejoinder // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. - Helsinki. - Т. 83. - 18 p.

Дополнительный перечень трудов, косвенно затрагивающих

тематику диссертации

54. Хелимский Е.А. Селькупские дополнения к ностратическим этимологиям // Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. - Москва, 1972. - С. 85-86.

55. Хелимский Е.А. Типы фонетических колебаний и процедура полевого исследования // Конф. молодых научных сотрудников и аспирантов: Тез. докл. / Ин-т востоковедения АН СССР. - Москва, 1973. - С. 201-202.

56. Хелимский Е.А. Брод через реку времени [О ностратической теории В.М.Иллич-Свитыча] // Знание - сила. - Москва, 1973. - № 10. - С. 35-37.

57. Хелимский Е.А. Финно-угорские языки // Большая советская энциклопедия. - 3-е изд. - Москва, 1977. - Т. 27. - С. 467.

58. Хелимский Е.А. Финноугроведение // Там же. - С. 468.

59. Булатова Р., Хелимский Е. Конференция по вопросам ностратического языкознания // Сов. славяноведение. - Москва, 1977. - № 6. - С. 121-125.

60. Хелимский Е.А. Чередование долгот, консонантный ауслат и ударение в истории венгерских именных основ // Balkanica. Лингвистические исследования. - Москва, 1979. - С. 118-138.

61. Головачева А.В., Иванов Вяч.Вс., Моложная Т.Н., Николаева Т.М., Свешникова Т.Н., Хелимский Е.А. Притяжательность (поссесивность) и способы ее выражения (предварительный вариант анкеты) // Структура текста-81: Тез. симп. - Москва, 1981. - С. 1-6.

62. Хелимский Е.А. Чередование глагольных шифтеров в селькупском фольклорном повествовании // Там же. - С. 102-103.

63. Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. - Москва, 1982. - Т. 2. - С. 563-568.

64. Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981. - Москва, 1982. - С. 162-192.

65. Хелимский Е.А. Славянское сравнительно-историческое языкознание в США // Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. - Москва, 1983. - С. 245-287.

66. Хелимский Е.А. Проблема границ ностратической макросемьи

языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. - Москва, 1984. - Ч. 5: Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. - С. 31-48.

67. Helimski E. Permi szöfejtések // Nyelvtudományi Közlemények. - Budapest, 1984. - 86. köt., 1. sz. - 196-199. 1.

68. Helimski E. Problems of Phonological Reconstruction in Modern Uralic Linguistics // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1984. - Т. XX, № 4. - С. 241-257.

69. Хелимский Е.А. Проблемы фонологической реконструкции в уральском языкознании // Язык: история и реконструкция: Сб. научно-аналитических обзоров / ИНИОН АН СССР. - Москва, 1985. - С. 33-72.

70. Helimski E. Rez.: Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1985. - Т. XXI, № I. - С. 63-76.

71. Хайду П. Уральские языки и народы: Пер. с венг. яз. Е.А.Хелимского. - Москва, 1985. - 430 с.

72. Хелимский Е.А. Рец. на кн.: Symposium Saeculare Societatis Fennougricae // Сов. финно-угроведение. - Таллин, 1985. - Т. XXI, № 4. - С. 289-294.

73. Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977-1983 годов. - Москва, 1986. - С. 252-259.

74. Хелимский Е.А. VI Международный конгресс финно-угроведов // Вестник Академии наук СССР. - Москва, 1986. - № 2. - С. 123-130.

75. Хелимский Е.А. Г.Ф.Миллер и венгерская этимологическая традиция // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. - Москва, 1986. - С. 232-243.

76. Хелимский Е.А. Труды В.М.Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. - Москва, 1986. - С. 229-282.

77. Хелимский Е.А. О двух фонетических законах в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии РИАС. Ташкент, сентябрь, 1986 г. - Москва, 1986. - Т. II: Лингвистика. - С. 121-124.

78. Хелимский Е.А. Происхождение древнетюркского чередования г ~ ж и дилемма "ротацизма - зетацизма" // Сов. тюркология. - Баку, 1986. - № 2. - С. 40-51.

79. Хелимский Е.А. Решение дилемм праторкской реконструкции и ностратика // Вопросы языкознания. - Москва, 1986. - № 5. - С. 67-78.

80. Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII века по енисейским языкам // Палеоазиатский сборник. - Ленинград, 1986. - С. 179-212.

81. Васильев Д.Д., Хелимский Е.А. XXIX сессия Постоянной Международной Алтаистической Конференции // Вестник Академии наук СССР. - Москва, 1987. - № 5. - С. 72-78.

82. Helinski E. A "New Approach" to Nostratic Comparison // Journal of the American Oriental Society. - New Haven, 1987. - Vol. 107, No. 1. - P. 97-100.

83. Орел В.Э., Хелимский Е.А. Наблюдения над балтийским языком польско-"ятвяжского" словарика // Балто-славянские исследования 1985. - Москва, 1987. - С. 121-134.

84. Хелимский Е.А. "Русский говорка место казать будем" (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. - Москва, 1987. - С. 84-93.

Сокращения

- нен1, ненТ, ненЮ - лесной, тундровый, крацкий (старовосточный)
диалекты ненецкого языка
- ПС - прасамодийский
- ПСС - прасеверносамодийский
- ПТМ - пратунгусо-маньчжурский
- ПУ - прауральский
- ТМС - Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских
языков: Материалы к этимологическому словарю
/ Отв. ред. В.И.Цинциус. - Ленинград, 1975,
1977. - Т. I, 2.
- эн1, энТ - лесной, тундровый диалекты энецкого языка
- НР - натско-пумпокольский диалект (селькупского
языка)
- ОО - верхнеобский диалект (селькупского языка)
- SW - Janhunen J. Samojedischer Wortschatz; Gemein-
samojedische Etymologien. - Helsinki, 1977. -
186 S.
- Tsch. - диалект (селькупского языка) на р. Чая
- Tschl. - чулымский диалект (селькупского языка)
- UEW - Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch
/ Unter Mitarbeit von M. Bakró-Nagy, S. Csúcs,
I. Erdélyi, L. Honti, É. Korenchy, É. K. Sál u. E.
Vértes. - Budapest, 1986-1988. - Lfg. 1-5.
- VEWT - Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wör-
terbuchs der Türkssprachen. - Helsinki, 1969.
- 533 S.

Е. Леммелен

Подписано к печати 31.05.88
Объем 3 п.л. Печать офсетная
Тираж 150 экз. Зак. 164

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21, строение 2

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

